

БЕСЕДЫ С МАМОЙ

В семидесяты года всё же полегче зажилось. В лавку товары стали выбрасывать. Правда пушке-то уж на Болтурин, за лес. Но и в наше сельпо из району кое-чѣ перепало. Всѣ лето народ в очередях спали. В колхозе зарплату стали деньгами давать. Всем охота избу обставить, да самим принарядитца в базарно. Не то што молоды, а и старики в клуб кино поглядеть или на концерт в теплушонке да в кирзовых сабогах идти не хотят. Взались избѣнки подшаманивать, машин легковых набрали... Одна мама живѣт по-старинке. И не то штобы не на чево купить было. И не скупердяйка она хоть ко мне, хоть к брату Николаю без гостинца в избу не зайдет.

И чѣ-то мне еѣ так жалко сделалось! Ей ишо и пятьдесят годов нету, а она себя в старухи записала. Вот и давай я ей то одно, то друго навѣливать. Как на Болтурин еду, себе лопатину беру и ей. Сперва она стырила, а счас, гляжу, на работу в ремугах не ходит. Всѣ же в конторе сидит, весь день на людѣх. Ну, думаю, пора еѣ подбивать, штоб обстановку в избе переменить. Хоть бы шифонер взять с комодом, да телевизор с холодильником. Без них уж никто не живѣт.

Дак сколь раз толька заикнусь, она поперѣк станет – нет и всё!

Мама, а давай тебе крышу перекроем. Гли-ка, все на крыши-то шифер кладут, у тебя у одной драньѣм крыта.

Она тебе чаво, крыша-то моя? Мешат ли ково ли?

Дак от людей уж стыдно. Народ-от скажет, мол Настасьины ребята мать-то как настуют. Она их одна рѣстила, в нитку вытягивалась, а под старось крышу некому перекрыть. Нам-то с Николаем вся деревня в глаза тычет.

Вы на народ не глядите, имѣ можеть деньги девать некуды. А у меня дороже вас с Колей да этой крыши никово нету.

Вай, мама, ково дороже-то? Она уж вся мохом взялась!

Дефка, ты меня не перебивай, послушай, ково мать скажет. Мы как с отцом-ту вашим сошлись, старики помочь собрали, да поставили нам сруб. Хороша изба-то вышла, тёпла. И в пополье сроду ни картошки, никто не мѣрзло. Две зимы в ней перезимовали, да Ване всё

как-то крыша не глянулась. Сам лесу навалил и сам драньё надрал. Ну всё натодель сделал, каждую драницу не то што чево, какэсь языком облизал. Летом и перекрыл. Тебе, Вера, сколь годов-то, не забыла? Скоро двадцать пять будет. Дак тебя папка-то на руках подержать не успел, ты ишо не родилась как он, царство небёсно, утонул. И вот уж сколь годов, а христова крыша хоть бы раз пробежала. Дак я счево её на нову-то променяю?!

Я вить с этой крышей, сколь раз из избы выйду, столь раз и поразговариваю. Всю жись в уме держу - Ванины руки делали... Он про нас всё знат. Пошли вы в школу – долóжила ему. Коля в треттем классе худо учитца стал, никово не слушался – отцу пожаловалась. Ты вза-муж шешнадцати годов засобирались.. Пошла с нём советоватца. К чужим вить не пойдёшь.

- Вай, мама, не поминай! Я как подумаю, што за Гошку бы выскочила.. Спасибо тебе.

- Папке спасибо-то говори. Он хоть и молодой ишо годами-то был, да уж такой резонный! Старикам не стыдно было с нём советоватца. Это он меня натакал. Я как обсказала ему – так мол и так, не знаю, ково делать, дак он мне в эту же ночь пригрёзился. Да так строго мне наказал – не здумай согласье давать. Гнилой парень, сгубит нашу Веруньку. Исподтишка, грит, наставляй её – пушай от Гошки этово отпёхиватца. Учи её к добрым людьм припадаты. Я наўтре давай всё перебирать про ихну родову. Старики-то добры были, работяшши. Об них ништо худово слова не скажет. А вот сын, да наипаче внучата один от лешака, другой от дьявола. В дедушку-то ни один не вышел.

Спомни-ка, сколь с тобой переговорено было. Терплю, штоб не зареветь на тебя, а сама думаю – у тебя есь хоть грамм мозгов-то?! Ты куды голову свою суёшь? Ты вить не понимаешь, што с эким мужиком всю жись сопли на кулак мотать будешь. Думала, никак не поддашься.

Папке оттуль далёко видать – ты у меня счас как сыр в масле катаешься со своим Витей, а Гошка-то с братом из тюрем не вылезают.

Давай-ка, родна моя, сядем, чаю попьём, да папку помянем. Я как знала, из дупля окуньков достала. Хлебца нарушай, да чайку налевай. А я стол сгоношу.

Не успела она поставить чашку с рыбой на стол, на меня навалилась лихота. Какэсь выворачиват! Побежала на улицу. Ишшо не башше! Не съела ли ково, оборонишна мать?

В избу-то зашла – краше в гроб кладут, как стена белёшенька.

- Вай, мама, однако рыба-то душна, чё-то меня лихотит от неё...

- Не душна, а с душком. А я наднях отца во сне видела. Жди, грит, прибавленья. Сёдни скажу, што угадал. Внучка к весне будет у нас. На

эвот горечево чайку питнї, сразу лихотить перестанет.

Ничё себе! Мама, неуж вправду? Я и сама не знала... А можеть внук?

- Да нет, девка будет. Я тобой ходила, тоже на душнў рыбу глядеть не могла.

Мама посидела-посидела, заговорила:

Я, Вера, счас об чем печалюсь-то. Стали поговаривать по радиву и в газете пишут - скоро снесут нас да затопят. Не сѣдни-завтре зачнут приневоливать выежжать отцель.. Одна беда ране моды не было фотографироватца. От папки-то вашево не осталось у меня ни единой карточки. Хоть бы капошна кака-нить. Могилу-то с собой не увезьшь.. Так што вы с Николаем да эта крыша вот и вся память об нём.

БАБА ФИСА

Эй, есь хто дома? Баба Фиса, у тебя чѣ изба-то пѳла стоит? Ты куды девалась? На улице-то день, Маринка у порога обмела голиком катанки, сбросила на плечи полушалок, Долго спишь, с тобой всё ли ладны?

Старуха подала голос:

Дак счас уж како ладны? Года-то давят, лешак их поведи. Вечѳр ково-то занемогла, дак Аннушка отправила ко мне меньшово, мол воды тебе свежей натаскат, печь истопит, да и переночевать останецца всё веселе. А он, проклятой, в кине просидел, потом с девками по улице проходил, явился уж в каку пору? В полночь! Ему чѣ, молодой ишшо, толька до подушки и уснул. Да храпит на всю ивановску. А мне какой товды сон? Так всю ночь и провертелась с боку на бок. Да кака-то немочь к ногам привязалась, коленки крутит не на белай свет... места не изберу, куды их полѳжить!

Леву-то ногу разбарабанило, никаки обутки не воходят. Алѳшка в школу убежал, вот и прилегла.. А ты, родима, почево пришла? Иди суды, садись поближе, да поразговаривам..

Меня мамка отправила. Сѣдни у нас мягки были. Уташши, говорит, Анфисье, она любит горечи-то. Тут шаньги налѳвны да картошешны. Да сметанка. Счас я тебе живо чаю согрею. Завтрикай, докуль не простыли...

Ох ты, моя родна, я уж ваши горечи-то люблю... Учись у матери, у ней тесто-то хороше выходит, руки у старухи дрожали от слабости. Кое как разломила шаньгу, - Я ране-то маминьке всё говорела, штоб

калачик мне подсушила на поду... Досмерти любила, штоб корочка подгорела.. никово нету слашше!.. А счас ись нечем, зубишек-то не остаётца... мякиш и тот в чаю размачиваю.

Ты сиди, баба Фиса, я посудёнку вымою, да в избе подберусь. Потом ишо снег разгребу дорожки-то ко крыльцу несколь не знатко, кое как по субою пробрела. К вечеру опроведаю тебя. Тятя пошел уды проверять. Налим свежай попадёт, дак ухи приташшу. А ты отдыхай...

Беги-беги, родима, Христы тебе в рот! Ково со мной насидишь? Проводила Маринку глазами, погоняла языком по беззубым дёснам корочку, До чево любушша дефка у Наталли выросла. Эта уж мать-отца под старось на произвол не бросит...

ПООБЕДАЛ ВЕНКА С ТЁШШЕЙ

Вениамин кое как пробрёл по ограде (некому вычистить дорожку три бабы дома сидят!). В сенях обмахнул голиком снег с катанок, зашел в избу:

Будь ты проклята́ погода, одичала наготово неделю верховка тянет со снегом. Така па́дера, свету белово не видать...

Старуха лежала на постеле с закрытыми глазами. Всё же ответила:

Не ба-а-ай... И так уж девать некуды, а он валит и валит... Ночесь тятя-покойничек пригрезился опеть ко снегу.

Вениамин тёшшу жалел, сам-от с двенадцати годов без матери рос. Спросил:

У тебя как со здоровьишком-ту? Не маесья на погоду?

Да как не маюсь? Надцелась с головой... Да ишшо шум в ушах какой-от заспёлся. Давеча девка Михайлова стукалась... Уж, говорит, зыкалась-зыкалась в дверь, я никово не слыхала. Уши што ватой заложены.

Из избы-то хоть выползала сёдни?

Да как? Ходили перед обедом с Маринкой, её тунеядца искали. Всю деревню в шахмат взяли, да кое как нашли... Вить давно ли

клялся-божился што до майских в рот не возьмёт?! Нет - опеть где-то трафился. Ково сделашь, как рот у мужика говённой!

Венка слушал, а сам ходил по избе, направлял поись, брякал чайником...

Тут она открыла глаза:

Венка, ты уж наготово одичал с улицы да сразу наизбу в мазутных катанках! Ва-а-ай, и в куте-то всё утоптал! Нарачи, ли ково ли, пакостишь?

Я бытто хорошо в снегу потоптался, мазут-от должен был отстать...

Потоптался ты! У миня руки-то не казённы за каждым подмывать да подтирать! Не успела легчи отдохнуть... Нет тебя лешак привёл с грязишшей! Вехотка-то эвон в углу лежит, подотри, докуль не присохло.

Вот едрёна мать!!! В своём доме не знашь, как шагнуть, куды стать! Иш-шо чистотки-то навязались, всю плешь проели с чистотой! бросил ложку, выскочил из-за стола.

Спасибо за чай, тёшшенька! Поись не дадут!!!

Дуня струхнула шибко уж она расхозяйничалась, как бы зять не турнул её в свою избушку жить. А ей-то тут глянетца, в новом доме, одной семьёй. Нады дело исправлять:

Ой, да ты ково едак-ту на старуху осердился? Я вить не от ума. Счас тебе штей горечих из пёчи достану... Да в казёнке пирог черёмушной со сметанкой мёрзнет... Я вить тебя скрость сон услышала никово не поняла, што обедать пришёл...

Подфартило ей с зятем. Уж хоть как осердитца, а отходит скоро. Присял к столу, в пять минут смёл все, ково наставила старуха!

Сиди-не сиди, иди нады. Пойду пролубь чистить да воды в баню таскать. Сама ково-то среди недели стиратца наладилась...

Вениамин пошел оболокатца. Дуня заревела всугонь:

Ты, родимай, утресь наказывал поднаумить снег вычистить. Ограду-то уж занесло, субой выше окошек... Ишо помёшкать, дак дверь не отворить будет. Пехло-то я из завозни притащила, за сёнями стоит... Ты уж наперед-то снег распехай, тожно по воду иди...

Зять никово не сказал, хлопнул дверью.

Услышал-не услышал? Што за мужик?! Долго было ответить ладны, мол, вычишшу!?

Дал Бох зятя. Неуж самой иди придётца?

Легла на койку.

Приведёт лешак не ко время! Весь сон перебил...

КОМПАС

Зять всё утро пялился в телевизор. Ково бытто там глядит?! Любава три раз зревела – мольчит! Не вытерпела, выглянула из кути:

- Роман, не слышишь – Буран на ково-то лает.

- Слышу, не глухой..

- Дак погляди – не на доброво ли на ково кинулся? Это што за кобель, никаки цепи ево не дёржат, опеть сорвался!

Роман выглянул в окошко и, в чем был, выскочил на улицу. Матрёна, соседка, сидела в цветках и грозила кобелю бадогом, а тот скакал кругом неё и не давал поднятца на ноги. Хозяин собаку сперва отволохал ремнём, а потом повёл на место.

Матрёна отряхнулась, зашла в избу.

- Ну, девка, через вашево Бурана хоть не заходи к тебе.

Любава заохала:

- Дак я никак не знаю, чем уж ты ему не поглянулась, боле никово не задеёт. А ты палку-то почево таскашь? Он вить думат, што ты на нево машесся.

- Ну дак как! Я и ногу-то через подворотню не успела перекинуть, не то што бадог

Тут из кути на голоса выбежал четырёхлетний Сергунька. Поздоровался с гостьей об ручку и посоветовал:

- Баба Мотя, а ты другой раз к нам идти будешь, дак в ворота вперёд-то деревянну ногу выставляй.

Матрёна опешила:

- Почево, родимай? Старик-от без тово избурчался, мол не берегёшь - не успею твою ногу починять...

Не-е-е, Буран увидит, што тебя не прокусить – боле бросатца не будет. Он знашь какой умный?!

Старухи надцелись хохотать:

- Думай-ка, до чево челядь тодельна пошла – большой не придумат эдак сказать! Ну-ка, «деревянну ногу выставляй»!

Любава отсмеялась, утёрла слёзы:

- Гли-ка, Мотя, я слышала у тебя и добра нога-то есть? Протезна, ли чё ли? А ты пошто на деревянной-ту скачешь?

Дак я к ней привыкла, она лёгонька. А протезна-то дорогушша не на белый свет. Её износишь, потём штоб нову купить мою пензию нады весь год складывать. Вот протезна-то нога у меня празднишна. Дак тоже горе: редко её ношу, нога-то отвыкат. Тут на Девято Мая нарядилась, всю культу вкровь истёрла. Потом и деревянну неделю пристегнуть не могла...

Хозяйка позвала Матрёну:

Пошли, попьём чайку, да обскажешь, чё там у вас доспелось. Захворала, ли ково ли?

Мольчи лучше, с брюхом кака-то змея подёковалась. Вот ково бы не съела – всё нутро огнём горит! Дак сам-от на Болтурин ездил, врача привозил. Строго настрого наказал никаку чижолу пишшу в рот не брать. Воды, говорит, пей сколь хошь и трахмал заваривай хоть к какой вѣти. Вот всю неделю этим и питаюся... Отошшала уж, ноги не носят...

Пей чай-от, простынет. Тебе вареньица поставить, или так, с сушками попьешь? – Любава подлила в стакан кипятку, маленько закрasila из запарника, Ну и чё, помог трахмал-от?

Лешак знат... На ноги-то поднялась, а мочи нисколь нету – всё через силу делаю.

Ва-ай, через силу она делат! Ты на деревянной ноге бегашь - здорovому не угнатца! Я утресь коровѣнку проводила, думаю, опровердать бы нады. А тебя уж след простыл – по деревне хвошшешь!

Я де исхвосталась-то? В ларѣк по хлеб ходила. Однако с час дожидались горечево. Хоть поразговаривала, неделю людей-то не видала. Потом думаю, раз уж из дому вышла, дак попуте пробегу к Смолиным, мол Маруська не знат ли ково от брюха-то? Маруська меня отправила к Мартелковым. Марья натакала настою попить. А каки травы в нём запаривать – добром не знат. Спроси, говорит, у баушки Подлатихи. Вот и пришлось на другой край бежать. Но уж Аксинья-то мне натобдель всё распатрбила и дала состав списать. А обратно бегу – Афанасью стретила, с ней в улице постояли. Да завела меня домой, варенья стеклянку навѣлила. Это штоб я старика боле в лес не гоняла.

А и вправду, он не по лешака ли в лес-от ползал?

Дак ты чё?! Мы нонче без ягод сидим. Варенье и то всё вышло. Трахмал-от на чем заваривать? На молосный уж глядеть лихо. Вот он и засобирался. Хоть с литру, мол, наберу – и то давай суды...

Вай, мамы родимы! Ты чё ево одново-то в лес отпустила?! Это уж кака-така – из-за голубицы стариком попустилась? Знашь вить, што он лесу-то как огня боитца! Подумала бы своей головой – потеряйся Николай, ты ково одна-то делать будешь? Ох ты, змея ты подколодна!

Матрёна, даром што была без ноги, в семье руководила она. Старухи, наипаче которы без стариков век доживали, её за карахтер-то не хвалили. А сам Николай ничё, терпел. Жили дружно.

Ты чё, Любава, я ишо ума-то не решилась. Некак не отпускала, Христом Богом просила. И стёрила с ним и всяко! Нет он упёрся в эти ягоды, штоб оне пропали! Да, думаю, ему пушше-то конпас опроведать охота было, а не ягоды собирать..

- Ишо не башше! Он ево де у лешака у боровово дóбыл, конпас-от?

Да, зять вёснуй привёз. Счас, говорит, отец, никово не бойся. Ходи хочь куды. Захошь потерятца – не потеряйся, конпас тебя сам домой выведет! Да, оне сколь времíшша в огороде с ним пелёговались, потом нá луг ходили. Самому-то поглянулось.

Любаву конпас заинтересовал. Она вытерла фартуком руки, присяла на табаретку против гостыи:

Но-ка, распотрошь-ка мне про етот конпас. Он как домой-ту выводит? Как радиво разговариват, ли чё ли?

А вот не скажу .. Чево не знаю, тово не знаю. Николай-от счас изпод угору поднятца должен. По меня зайдёт, ты ево сама и выпроси. Я про эти ягоды заикатца боюсь.

Матрёне показалось, навроде как хто-то зашел.

Там не дверь ли хлопнула? Коля, иди чаёвничать!

Да не охота... Сидите, я пошел.

В куть-ту зайди. Любава тебя про ково-то спросить хочет.

- Ох ты бóтало, успела рассказала!

Ей-Бох никово не говорела. Толькя што по голубицу ходил.. А ей шибко охота про конпас разузнать...

Николай покряхтел:

Налевай, Любава, чаю. Сё равно не отвяжеться.

Николай разболочся, устроился за столом, отхлебнул чайку.

Шибко и рассказывать-то не об чем. Сколь себя помлю - боялся в лес ходить. Вот иду бытто всё по путе. Как избы из виду выпустил – всё! Потерялся! Никово не понимаю, куды пришел – не знаю. В глазах стемнет, в брюхе резота заспётца... Стыд сказать – адва успеваю штаны сдёрнуть. А сеогоды ребята из городу на подарок конпас привезли. Дескать с етой штукой можешь смелó ходить! Научили, ково с ним делать.

Вскорости захворала моя Матрёна, желудок никово не примат. Врач заставлят её трахмалом кормить. Пойду стало быть за болото, сказывають, голубица поспела. Стал собиратца, старуха стырит, мол куды одново-то лешак повёл? Потеряйся, ишши тебя потом с собаками.

Подумала бы головой-то, я куды деваюсь? Не беспутай с конпасом пошел. Никово шибко хитрово тут нету. Стрелка с буквами. И так всё лето прошло, ни разу не насмелился в лес сходить. А тут старухе приспичило голубицы поись. Я не мужик ли чё ли?!

На голубицу трафился сразу, ягод – рясным рясно! Туесочек я живо насбирал. А сам всё поглядываю скрость лесины и аэродром видать и река посверкиват на сонце... Де тут блудить-то?

Расстелил на берёзовом пне газетку, достал хлебца с водичкой.. Поел.

Да так хорошо задремал!..

Глаза-то открыл, паря, темнять стало. Старуха меня уж должна потерять.

Так-ту бытто знаю, куды идти а конпас всё ж-ки охота опроведать – ладны кажет ли нет? Сверился по нему и отчалил домой.

Вот я итти, вот итти... Она кака така? Всё по лесу и по лесу иду! По времю уж к избам подходить должен. Огляделся – ишшо не лучче! На пеньке-то моя газета из-под хлебу лежит. Я как суды попал?

Достал конпас. Давай глядеть.

Тут Север. Тут Юг. Я пришел оттуль. Стало быть нады, штоб солнце по леву руку было.

Нет. Это я счас оттуль пришел. Там деревни нету. Сонца тоже нету докуль спал, оно успело сяло. Дак я откуль пришел-то? Покрутился – везде лес! Давай садитца да глядеть в конпас. Вот бляха муха! Пока-месь с зятем ходили, стрелка-то никуды не вертелась станет и кажет, куды идти. А счас взялась ходуном ходить!

Кое как всё же наладил. Иду, ево из рук не выпускаю, со стрелки глаз не свожу. Шел-шел, гляжу опеть я у етово пню! Штоб ты пропал! Какэсь осердился! Положил я этот конпас на пенёк. Достал из-за поясу топорик. Да обушкóм по нему!

Бью да приговариваю: "Вот тебе Север! Вот тебе Юг!"

Весь прихряпал!

Сижу на пеньке. Одумался. С конпасом худо, а без нево и овсе! Ох ты, беспута ты голова! Я как домой-ту попадать буду? Ходить уж ноги пристали.

...Летом ночи-то шштай, што нету. Не успел отдохнуть - петухи запели. Слушаю их, а у самово в голове одно: «Пойте, пойте петушки, а мне мою старуху боле не видать!...»

Собаки лаять взялись.

Маленько погода бытто коровы заревели. Прислушался какэсь рядом где-то ревут. Дак это вить бабы управились, скота на луг выгоняют!

Я ково тут сижу-то? Нады на голоса итти!

Подхватил туесок да побежал. Докуль в поскотину не уткнулся, никак не мог поверить, што сам пришел!

Боле я из деревни никуды! Без ягод ишшо нехто не пропал!..

Два дни из избы не выходил. А эта ишшо надо мной же и подсмеиватца. Видала – по всёй ограде дошшечек наколотила.

Любава-то с утра разглядывала эти дошшечки, так ни до чево и не додумалась:

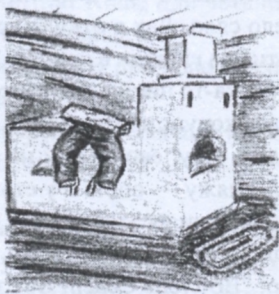
- Дак я никово не поняла – хто это чево? Углём большушшими буквами – «Уборна», «Анбар», «Клев», «Завозня»... У кажново слова – стрелка. Ты ково опеть придумала?

- Дак ково? Это штоб в ограде не блудил! Он счас без конпасу-ту как? За порог боюсь выпускать – укатит куды-нить и с гóлком... Ишшй-свишшй потом старика.

- Счас до самой смерти про этот конпас поминать будет. И так уж вся деревня знат. Ишшо и ребятам не обробёт прописать.

Сходил по ягоды, мать их ети – стыда не оберёшься..

ПРО СТЕПАНА С ТАИСЬЕЙ...

Тихо в избе. Молоды убежали в клуб. Стяпан двоём с Таисьей сидят за столом с неприбранной посудой. Вытянули ноги... Отдыхают Лениво переговариваютца.

Таисья пересилила дремóту. Позевнула:

Нажабался? Ково бытто стырил? Всё-то тебе неладны! Бурчал-бурчал, а счас сидишь брюхо доотвороту набил, согнутца не можешь.

- А тебе сколь говореть – люблю, штоб картошки вóсырь были! Нет, варишь, докуль не рассыплотца.

Старуха соскочила с лавки:

- Я тоже уж язык смузолила – дрова добрóm пилить нады!

Саженных-ту накладёшь в печь, оне как разгорятца дак тово и гляди, всё пыхнет! Как укараулишь?!

Тут Таисья прикусила язык – хватилась, што сѣдни не об дровах речь. Как к разговору-то подступитца? Нады бы про сено помянуть, да с каково боку подъехать?

Думай-ка, ково нонче погода-то делат, до Октябрьских ишшо неделя, а мороз-от уж сколь дѣн жмёт

Счас на улицу выходил, вызвездило опеть. К утру-то ишшо напрѣт. Какэсь зима-зимушша, старик поднялся, снял с гвоздя теплушку, бросил на лавку, - Ты бы помольчала маленькя... Ково-то покимарить захотелось. Глаза слипаютца...

Стяпан устроился на лавке с ногами, засопел..

Таисья разе помольчит? Уж чѣ задумала, дак всё равно скажет

Ты умом-ту думаешь ли нет? Я уж сколь время тебе трѳшшу? Нады ково-то делат, на поветях-ту силиминки нету! Коровѣнка с осени отошпат – как тожно без молосново-то будем?

Стяпану её замечанья што вострай ножик:

Н-но-о-о, завела свою гармонь! Тебя дожидаюсь, ковды поднаумишь... Выпросил уж у приседателя трахтор на завтра. Пообещался дать...

Пообещался он!.. Поманежит да опеть не даст. Че, не знаешь нашево приседателя? Хто настырней, тот и ухватит...

Забыл сказать – я вить на весь день договорился. После обеда ишшо в лес съезжу, хлыста два на дрова приташшу.

Минут пять косился на бабу - должна же понимать, какой хозяин.. Она об дровах ишшо не заикалась, а он уж ехать собрался!

Хочь бы чѣ сказала! Об одной корове думаешь. А об дровах не ума?

Хвастать-ту не косить, спина не заболит!... Ты-то у нас никово не забывашь?

От неё, бывать, не часто дождёсья, штоб похвалила. Лешай с ней. Стяпан к этому привышний.

Старуха поджала губы (понимат, што проштрафилась), засуетилась... Смахнула в ладонь крошки со стола, утащила посуду в куть:

В лесу-то будешь, дак хоть петли бы поставил. Можеть какой ушкан попадѣт... Чѣ таку дорогу здря ездить...

Стяпан вытарашшил глаза. Сон как рукой сняло:

Ишшо не башше! Ты не одичала ли? Это хто в хляшший-то мороз по петлям ходит?!

Тебе уж и слова сказать нельзя.. Это я так. Постново мяскá захотелось.

Погремела в кутé чигунами. Нашла-даки ново заделле:

Ой, лешай на! Картошек-ту на одну вáрю осталось.. Хватит расиживатца, спóлзай в пополье, - она пóходя пнула старика по ноге, Ково расшеперился во всю избу? Сидишь, барин, вытянул камáсья! Протти негде..

Да, паря, у тебя отдохнёшь.. Полежать не дала и сидеть места нету. Сама бы достала картошек-то, не переломилась бы.

Да нады, докуль не забыла, ползти в казёнку, обутки тёплы доставать. Утресь пó воду долго ли сбегала, а ноги какэсь отшшипáло.

А я кому говорел, надевай пимы самокатаны, оне послободне, с носками входят. Дак нет – вы́франтилась в казённы, на один чулок. Кто бытто на тебя у ердáни-то глядит?

Таисья выскочила в сени, заташшила куль. Вывалила всё на серёдку избы, давай перебирать:

Ва-а-ай, у нас тутака ребячьих обуток-ту полна котомка! Ребята ковды уж выросли, а што боты, што галоши – ничем ничаво, хоть счас надевай!.. Катаночки дак какэсь новиньки. повертела катанки в руках, полюбовалась, Гляди-ка, што игрушешны! Нады уташшить большесемейным, истаскают..

Оне тебе чаво помешали? Пушай лежат, де лежали!

- Им чё лежать-ту? Мы уж с тобой никово не рóдим, родилка-то износилася.

Ети её мать, ету бабу! Всё бы она раздавала! А как напрók Верка принесёт мнука?! По катанки в лавку бежать?! Во-о-от! А у нас уж готовы! Тебе чаво? Пушай взapas лежат. Ись-пить не просят.

- Ах-ха... Как Верка не родит! Не знай уж хто на нашу рашшекóлду обзаритца, с её-то карахтером!.. Хочь бы взамуж отдать, а ты, гляжу, уж мнуков нарожал.

Отец пригорюнился, покачал головой:

Да-а-а паря... Ково скажешь? Ей бы парнем родитца-то... Огнёва, никаково слова до себя не допускат!!! Чуть чево – она уж выпряглась, на дыбáх стоит!

Таисья перекрестилась на образа:

Ничаво, доброво мужика Бох дас научитца.

Дожидайся доброво-то.. скорей на фулогана наячитца, дак он ей живоо рога-то обломат. Да, паря, согрешили с ней. Не знаю, в ково и породилась...

Старуха не дала договорить:

Мольчи лучше! «Не зна-а-а-ю в ково...» в тятю в твоёво, в ково боле! Уж куды вреднэ-то? Вить капошный, какэсь плюнуть не на ково,

а вредности што у доброво! Ково здумал, дак не своротишь. Што работяшшай, это у нево не отнять. Делать возьмётца, дак сделает наτόдель. Но и говноед – оборонишна мать! Зимой снегу не выпро-
сишь.

- Да матушка за етим «говноедом» сорок годов што у Христа за па-
зухой вы́сидела!!! Сколь мой тятя припас, нам бы сроду не нажить. Не
я, дак ты уж давно бы всё распрасорила, простоды́ра!

Я ково у тебя распрасорила? Всю жись на вас ломила, кулачье
навязалось на мою голову! Сам не знашь, ково мелешь своим языком!

А далёко ходить не нады! Эвон, катанки, почти што новы, было
чужим лю́дя́м уташила. Дак есь в ково твоя-то родова вся худа.
Толька бы хто попросил – с себя последню рубаху сымут. А своих де-
вок взамуж в ремугах выдали..

Таисья вздохнула:

Да-а-а... Родимай-то свёкор мне не раз попеня́л, што с голой ж-й
к вам пришла.. Ох и поплакала я от нево, царство небёсно!...

Степан закурил носом:

Не слышишь, бытто палениной опажну́ло?

Таисья не двадни соскакивала! Кинулась в куть:

Ой, лешай на! Бытто печь-то не шибко гореча показалаь. Бросила
твои штаны суконны.

Старик с ума сошел, побежал за Таисьей:

Ты их почево на́ печь-ту вешала? Я их, бывать, не обчиша́л!

Да не сушитца вить тебе штоб к утру тёплы были..

Согрела она, мать твою!.. Я куды в экой-то мороз без них сунушь?

Уж виновата дак виновата..

Ково бытто заревел во всю голову? Не прогорели вить... Так, под-
палило маленькя.. Счас заплату наложу. Двои подштанники подниз
наденешь, вот тебе и тепло будет!

Пошла искать иголку с большим ушком да матерьял на заплату. Му-
жика на мороз без тёплых штанов не выгонишь!

Ну вот. Всё как у людей. Поразговаривали. За разговорами Таисья
скоту корм к утру направила. Степану штаны починила.

Вечер скоротали. Родных добрым словом помянули.

Можно и стелитца.

Спокойной ночи, родна!

Таисья засопела, никово не ответила..

В сердцах повернулись спиной друг к дружке. И захрапели.